

ПРОБЛЕМА ДВИЖУЩИХ СИЛ И НАПРАВЛЕННОСТИ ИСТОРИИ В ТРУДАХ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ**Романов Олег Сергеевич**

студент 3 курса исторического факультета ГОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет», РФ, г. Москва

Смирнов Дмитрий Владимирович

научный руководитель, канд. филос. наук, доц. кафедры философии ГОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет», РФ, г. Москва

История как наука начинает зарождаться в Древней Греции с появлением рабовладельческого полиса. Разделение людей на свободных и несвободных углубило дистанцию между умственным и физическим трудом. Уделом рабов в серварном обществе являлся исключительно физический труд, свободному же человеку судьбой предназначалось обладание знанием.

В такой интеллектуальной атмосфере начинают появляться люди, стремящиеся разобраться в устройстве мироздания и порядке человеческого бытия. Одним из них был Геродот (ок.484 – ок.430/424 гг. до н. э.).

Первый историк, как и любой специалист этого профиля, описывая исторические события, должен был указать на причины тех или иных явлений, а через них - попытаться объяснить суть исторического процесса.

В качестве основных причин какого-либо события Геродот часто указывает волю богов или судьбу. Так, боги часто выступают у Геродота как виновники всякого зла. Перед мощью богов простой человек оказывается бессилён. Этими положениями Геродот одним из первых закладывает основы фатализма в античной историософии.

Следует сказать, что уже сам Геродот не верит в один «сверхъестественный» принцип причинности. В качестве причин некоторых событий у Геродота не боги стоят на первом месте, а стечение обстоятельств. В этом «стечении обстоятельств» мы наблюдаем у Геродота представление о судьбе, как фортуне. Однако лишь этим пониманием судьбы Геродот не ограничивается.

У Геродота также присутствует представление о судьбе как о роке. «Рок справедливою карою всех нечестивцев карает» [2, с. 287], - пишет историк. При этом часто рок тесно связан с волей богов: «в этом совершенно ясен перст разгневанного божества» [2, с. 391]. В дальнейшем представления о фортуне и роке будут присутствовать в трудах многих античных авторов.

Причиной несчастий часто является ответ богов на заносчивость людей. Этим объясняется карающая роль богов, и отсюда тесная связь представления о роке и о воле жителей Олимпа. Свобода же человека оказывается ограниченной с оглядкой на оракулов, судьбу и т.д.

Мировоззрение Геродота сохраняет близость к мифу. В существовании богов он несколько не сомневается. Он верит в чудеса, а его боги коварны и завистливы. Д.М. Пиппиди так характеризовал мировоззренческую позицию Геродота: «Правление мира принадлежит божеству настолько, что история, можно сказать, есть лишь реализация во времени божественного, провиденциального плана, размах которого охватывает одновременного и жизнь человека, и жизнь животных» [5, с. 82]. В такой оценке изначальной

предопределенности событий можно увидеть зачатки провиденциализма, характерного в дальнейшем для христианской эсхатологии и других мировоззренческих систем. Можно сделать вывод, что действие судьбы у Геродота, а именно – рока, является в его представлении движущей силой истории.

Вторым крупнейшим историком после Геродота является Фукидид (ок. 460 – ок. 400 гг. до н. э.). Прежде всего, следует сказать, что Фукидид видел разницу между сказочным и историческим фактом. Отсюда его установка на то, что «нужно искать естественные и только естественные причины исторических событий, в результате чего обрел славу атеиста» [11, с. 96].

Главным трудом Фукидида является «История Пелопонесской войны», современником которой он был, и которая оказала большое влияние на его мировоззрение и во многом сформировала его историософские взгляды.

В своем труде Фукидид говорит о человеческой природе, которая есть состязание и борьба. Людьми движут три мотива деятельности: честь, страх и выгода. Отсюда стремление к господству одних над другими. Главным инструментом в этой борьбе между людьми является война, причины которой кроются в той же человеческой природе: стремлении к обогащению, власти и т.д.

Исход же войн и сражений подвержен большому влиянию случайности. «Воюющие распоряжаются случайностями судьбы» [15, с. 180], - пишет историк. Случайностями может быть как некое стечение обстоятельств, так и реакция людей на объективное явление.

Фукидид стремился донести до своего читателя точное знание [15, с. 236]. Он стремился объективно описать исторические события и исключал фактор влияния сверхъестественных сил. Описывая события, Фукидид уделял внимание личностному фактору - к примеру, высоко оценивал роль Перикла и других личностей в Пелопонесской войне.

В поисках объективных причин тех или иных событий Фукидид выделял и экономических фактор, который влиял на то, сколько одна сторона может построить кораблей, содержать наемников и т.д.

Как уже было сказано, Фукидид исключал фактор влияния божественных сил на ход истории, стремился к объективности, однако писал: «Судьба управляется божеством» [15, с. 236]. На основании этого можно полагать, что, исключив мифологический фактор, Фукидид всё же не был свободен от его влияния. И сама «человеческая природа» тоже предстает перед нами как «незыблемая инстанция» [5, с. 103]. Таким образом, у Фукидида, как и у Геродота, мы снова наблюдаем связь судьбы и божественных сил.

Относительно движущих сил истории у Фукидида А. Ф. Лосев писал: «понятие человека как движущей силы истории во времена Фукидида ... не было даже предметом философского рассмотрения» [5, с. 106]. А Т.Л. Шестова отмечала: «действия ... личностей не заслоняют в фукидидовом повествовании действий главных субъектов этого сочинения – противоборствующих полисов. Именно столкновение полисных интересов и выступает у Фукидида в качестве главной движущей силы описываемых событий» [16, с. 190].

По-видимому, нельзя с уверенностью говорить о том, что движущей силой истории у Фукидида выступает «деятельный человек», стремящийся к власти, обогащению и т.д., однако отрицать значение личностного фактора в его историософской позиции мы не в праве.

Чтобы рассмотреть историософские взгляды Платона (428/427 – 348/347 гг. до н. э.), следует прежде всего обратиться к его философскому учению, поскольку философия истории Платона тесно связана с его космологией.

Философия истории у Платона кроется под покровом мифа. В его философском учении мы встречаемся с явлением переселения душ, за которым можно разглядеть принцип оценки всемирно – исторического процесса в целом.

Изучая платоновское представление о метемпсихозе, мы узнаем, что после смерти душа человека отправляется в мир идей (эйдосов), где попадает на суд. Суд выносит решение о дальнейшей судьбе души. Если человек жил добродетельно, то его душа отправляется в блаженные места, если дурно – в места наказаний и скорби. В «Государстве» Платона мы узнаем об исключениях из этого правила. К примеру, философы, жившие по справедливости, попадают на небо, где пребывают с богами в вечности. Тираны же не подлежат никакому переселению душ.

В конце каждого тысячелетия душа прибывает в место, называемое «лугом», где она сама избирает тот образ жизни, который будет вести после нового воплощения в теле.

Душа сама выбирает себе образ жизни, может выбрать даже перерождение в животное. Можно полагать, что в этом пункте Платон приходит к пониманию свободы воли. Однако, он находится, во-первых, под влиянием мифологического мышления, и, во-вторых, оказывается скован идеологами рабовладельческого общества.

Разделение труда в его утопии «Государство», которое он преподносит как абсолютную норму, есть не что иное, как отражение влияния на Платона реалий рабовладельческого строя.

Платону, так же как и его предшественникам, не чужд фатализм. Он начинает рассуждать о понятии необходимости. В частности, круговорот душ и их судьба определяются божеством Адрастеей и самим порядком мироздания.

Но души сами выбирают свою земную жизнь, причем, совершив этот выбор, они с необходимостью отпивают из реки Леты и забывают о своем решении. Здесь наблюдается единство свободы человеческой воли и представления о судьбе. В этом можно усмотреть подступы Платона к диалектике свободы и необходимости.

Аристотель (384–322 гг. до н. э.), в отличие от Платона, отказался от мифа, встал на путь рационального мышления. Он не прибегал к образам богов или судьбы. Для понимания исторического процесса по Аристотелю следует рассмотреть его учение об энтелехии.

Энтелехия – есть реализация заложенных в данном сущем способностей и возможностей. Она состоит в устремленности к благу, обретению сущности в полном объеме. К этому устремлена как всякая вещь, так и человек, в его желании реализовать себя. Таким образом, явлениям и процессам природы, а также действиям человека и самому ходу истории приписывается целесообразный характер.

В результате аристотелевское учение об энтелехии становится источником телеологического понимания исторического процесса.

Полибий (ок. 200 – ок. 120 гг. до н. э.) считал, что нельзя понять отдельных исторических событий без представления об общем ходе истории. Оказавшись под влиянием стоиков, он развивает идею всеобщей истории и так называет свой главный труд – «Всеобщая история».

Помимо всеобщности Полибий говорит и о телеологичности мирового процесса: «Раньше события на земле совершались как бы разрозненно, ибо каждое из них имело своё особое место, особые цели и конец. Начиная же с этого времени, история становится как бы одним целым, события Италии и Ливии переплетаются с азиатскими и эллинскими, и всё сводится к одному концу» [10, с. 28].

При объяснении исторических событий Полибий допускает эклектичное сочетание телеологического и причинного подходов: не отрицая причинно-следственную связь, он передает роль объективного фактора истории судьбе [16, с. 189].

Судьба в представлении Полибия многогранна и предстает перед людьми как рок, «судьба-помощник», «судьба-дарительница» и т.д. [14, с. 6–8]. Именно судьбу во всех её проявлениях можно было бы считать движущей силой истории у Полибия, однако помимо судьбы у него присутствует и личностный фактор в истории.

Полибий подробно описывает деятельность Ганнибала, Сципиона и других. О роли Сципиона в военных действиях в Испании он пишет: «сенаторы придавали важное значение Иберийской войне, послали корабли под начальством Публия, который по прибытии в Иберию и по соединении с братом оказал большую услугу государству. Так, раньше римляне ни за что не отваживались переходить реку Ибер и довольствовались дружественным союзом народов, живущих по ту сторону реки. Теперь они переправились через Ибер и впервые решились на борьбу по ту сторону реки» [10, с. 205–206]. Здесь отличается явная роль Сципиона во время военных событий в Испании и тем самым – действие личностного фактора в истории Полибия.

Наиболее ярко личностный фактор в истории прослеживается у Плутарха (ок. 46 – ок. 127 гг. н. э.). Один из его трудов – «Сравнительные жизнеописания» представляет собой биографии важных деятелей Древней Греции и Древнего Рима. Причем биографии являются парными, Плутарх сравнивает деятельность какого-либо исторического персонажа из истории Древней Греции с героем римской истории (например, Александра Македонского и Цезаря).

Об успехах Александра Македонского Плутарх пишет: «Отличную позицию Александру предоставила судьба, но победу ему обеспечило скорее искусное командование, чем слепое счастье» [9, с. 56]. А устами Цицерона Плутарх подчеркивал значение характера Цезаря: «Цицерон, как кажется, был первым, кто считал подозрительной и внушающей опасения деятельность Цезаря, по внешности спокойную, подобно гладкому морю, и распознал в этом человеке смелый и решительный характер, скрывающийся под маской ласковости и веселости» [9, с. 110].

Таким образом, важную роль в жизни человека играет не судьба, а его характер – таков основной мотив произведений Плутарха. Роль личности в произведениях Плутарха выходит на первый план. Плутарх отходит от понимания судьбы-рока и тем самым приближается к пониманию свободы человеческой воли.

Личностный фактор в истории акцентирован и в трудах историка Тацита (56 г. н.э. – 117 г. н.э.). Причины тех или иных событий Тацит видел в «страстях человека» [12, с. 271].

Как и Плутарх, выделяя роль личности в истории, Тацит не мог не сказать о значении человеческого характера. По его мнению, каждый человек наделён уникальным характером от рождения, а сама личность человека не меняется на протяжении всей жизни. Человек может лишь скрывать свой подлинный характер [3, с. 37].

Если причины событий Тацит видел в деятельности человека, то на исход событий нередко у Тацита влияет, как судьба (рок и фортуна), так и стечение обстоятельств, причем сам он не разделяет эти понятия: «Поневоле приходишь в сомнение, от чего зависит расположение государей к одним и нерасположение к другим — от судьбы ли и жребия рождения, как и все остальное, или тут имеет некоторое значение и наше благоразумие» [13, с. 194]. При этом М. Альбрехт отмечал, что роль судьбы, богов и предопределения у Тацита невелика, и люди обычно предстают свободными в своих поступках [1, с. 1231].

Таким образом, с развитием представлений о роли личностного фактора в истории, намечается синтез учений о воле и судьбе, получивший осуществление в историософских взглядах Августина Блаженного.

Аврелий Августин (354 г. н.э. – 430 г. н.э.) первым в истории построил историософскую концепцию всемирно-исторического развития. Для её рассмотрения необходимо обратиться к его религиозно-философскому учению.

Августин прежде всего выступает против идеи судьбы-фортуны и принимает понимание судьбы как рока, трактуя его как проявление божественной воли и силы. Свобода воли выступает как способность человека стремиться к чему-либо, но её реализация невозможна без обращения к вере. Человек сознательно должен принять волю Бога как свою собственную. В этом виден синтез представления о воле и судьбе в учении Аврелия Августина. Именно у него мы видим первую целостную концепцию исторического процесса, в которой эксплицитно указаны и движущие силы истории, и направленность исторического процесса.

Опора на Библию задает все характеристики философско-исторической концепции Августина. Прежде всего его концепция носит унитарно-стадиальный характер. Августин говорит о единстве всей истории человечества и выделяет шесть эпох человеческой истории. Шестая эпоха, в которой и живет Августин, направлена к Страшному суду и концу истории. На становление такой эсхатологической концепции повлияли и события мировой истории. Великое переселение народов, свидетелем которого стал Августин, поставило Римскую империю на грань гибели, которая начинает трактоваться как конец мировой истории.

Именно в это время в Риме приобретает известность концепция четырех монархий Ктесия, древнегреческого историка второй половины V — начала IV вв. до н. э. В христианской интерпретации Рим начинает выступать как четвертая монархия, падение которой приведет к наступлению царства божьего.

Таким образом, история у Августина обретает вектор – направленность к гибели мира. А в условиях фактической гибели Римской империи людям становится ясно, что исход тех или иных событий зависит уже не от них, а от божественного провидения, которое и является движущей силой истории. Вся же мировая история – это реализация божественного плана, провидения. Такое провиденциалистское понимание исторического процесса в дальнейшем ляжет в основу христианской историософии.

Список литературы:

1. Альбрехт М. История римской литературы. Т. 2. / М. Альбрехт – М.: Греко-латинский кабинет, 2004. – С. 704–1390.
2. Геродот. История: В 9 книгах. / Пер. и коммент. Стратановского Г.А., Авт. вступ. ст. Суриков И.Е. – Москва: ОЛМА - ПРЕСС, 2004. – 636 с.
3. Грант М. Римские императоры. / М. Грант – М.: Терра—Книжный клуб, 1998. – 398 с.
4. Кессиди Ф.Х. Философия истории Фукидида. / Ф.Х. Кесседи - Санкт-Петербург: Алетейя, 2008. – 263 с.
5. Лосев А.Ф. Античная философия истории. / А.Ф. Лосев 1-е изд., полное, испр - Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. – 258 с.
6. Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Платон. / А.Ф.Лосев - Изд. 3-е, испр. и доп. Москва: Молодая гвардия, 2005. – 391 с.
7. Лурье С.Я. Геродот. / С.Я. Лурье - изд. 2-е, испр. - Москва: ЛИБРОКОМ, 2010. – 209 с.
8. Макаров Н.О. Философия религии Аврелия Августина: диссертация ... кандидата философских наук (09.00.13.) / Макаров Николай Олегович; Москва, 2007. - 125 с.
9. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Трактаты и диалоги. / Перевод с греч. сост. А. Аверинцева, вступ. ст. А. Лосева, коммент. А. Столярова - М: Рипол-классик, 1997. – 672 с.
10. Полибий. Всеобщая история. / Перевод и комментарии Ф.Г. Мищенко, авт. вступ. ст. А.В. Короленков – Москва: Олма-пресс Инвест, 2004. – 576 с.
11. Семенов Ю.И. Философия истории: Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней / Ю.И. Семенов - Москва: Современные тетради, 2003. - 775 с.
12. Соболевский С.И. История римской литературы. Т. 2. / Под ред. С.И. Соболевского, М.Е. Грабарь-Пассек, Ф.А. Петровского. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — 490 с.
13. Тацит. Сочинения в двух томах. Том I. «Анналы. Малые произведения» / А.С. Бобович, Я.М. Боровский, М.Е. Сергеев – М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 1993. – 736 с.

14. Тыжов А. Я. Полибий и его «Всеобщая история» // Полибий. Всеобщая история. Пер. с греч. и комментарии Ф. Г. Мищенко. - СПб.: «Наука», «Ювента», 1994. С. 6-8.

15. Фукидид. История. / Пер. с греч. Ф.Г. Мищенко, С.А. Жебелёва; Под ред. Э.Д. Фролова. - СПб.: Наука, 1999. - 590 с.

16. Шестова Т.Л. Философские основания исторических концепций Древней Греции: монография. / Т.Л. Шестова - Москва: Изд-во Московского государственного университета леса (МГУЛ), 2008. - 211 с.